

Д. П. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alkaddafa@gmail.com

Ткани как важный ресурс во взаимоотношениях Хань и сюнну

Взаимодействие китайских оседлых царств с кочевниками нередко сопровождалось передачей «в дар» или в качестве дани ценностей, в т.ч. тканей. Начался этот процесс еще в эпоху Сражающихся государств (особенно у княжеств Цинь и Вэй). Ряд памятников китаизированных «западных жунов» (могильники Мацзяюань, Чжайтоухэ и др.) демонстрирует большое количество артефактов, выполненных с явным влиянием «хуася». К сожалению, текстильные изделия сохраняются хуже металлических, так что исследовать их можно только в редких случаях, когда складываются специфические условия среды (как это было в могильнике Ноин-Ула в Монголии). К счастью, китайские нарративные источники (в т.ч. ранее не переводившиеся на русский язык) дают немало свидетельств использования тканей (прежде всего, шелковых) в рамках торгового и политического взаимодействия правителей Центральной равнины Китая с номадами. Период великодержавия сюнну здесь наиболее интересен и представлен. Тогда впервые возникло крупное кочевое государство, по военной силе равное объединившейся Поднебесной. Иными словами, до того китайские царства нередко оказывались «сюзеренами» по отношению к «варварским» образованиям (подобное повторилось и после ослабления и разделения сюнну с их «южной» ветвью). В настоящей статье автор вводит в научный оборот фрагменты древнекитайских письменных источников. Другая задача работы – «вписать» традицию обмена тканями между Китаем и сюнну в модель взаимодействия скотоводов и земледельцев, складывавшуюся в районе р. Хуанхэ с V в. до н.э.

Ключевые слова: сюнну, шелк, ткани, эпоха Хань, нарративные источники, Мацзяюань, западные жуны.

D. P. Shulga

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: alkaddafa@gmail.com

Textiles as an Important Resource in the Relationships Between the Han and the Xiongnu

The interactions between Chinese sedentary kingdoms and nomads were often accompanied by the transfer of valuables, including textiles as gifts or tribute. This process started since the Warring States period (especially among the Qin and Wei states). A number of "Sinicized" Western Rong sites (Majiyuan, Zhaitouhe burial grounds and others) show a large number of artifacts clearly influenced by the Huaxia style. Unfortunately, textiles are poorly preserved compared to the metal items, so they can be studied only in rare cases, e.g. under specific environmental conditions (as was the case at the Noin-Ula burial ground in Mongolia). Fortunately, Chinese narrative sources (including the chronicles that were not translated into Russian previously) provide ample evidence of the textile (primarily silk) use in the context of trade and political interactions between the rulers of China's Central Plain and the nomads. The period of the Xiongnu rule is the most interesting and informative. Then, for the first time, a large nomadic state equal in military strength to the united Celestial Empire emerged. In other words, before this, Chinese kingdoms often found themselves as "suzerains" over "barbarian" groups (a similar situation recurred after the weakening and division of the Xiongnu from their "southern" branch). The the author introduces fragments of ancient Chinese written sources into scholarly circulation. Another goal of the work is to "correlate" the tradition of textile exchange between China and the Xiongnu with the model of interaction between pastoralists and farmers that developed in the Yellow River region as early as the 5th century BC.

Keywords: Xiongnu, Silk, Textiles, Han Dynasty, Narrative Sources, Majiyuan burial ground, Western Rong, Northern China.

Введение

Обмен китайских царств с «варварской периферией» начался задолго до объединения Поднебесной. Предметы экспорта с Центральной равнины (в т.ч. и текстиль) часто передавались сопредельным правителям «жунов»* (если говорить о северо-западных регионах). Яркие примеры – могильники Мацзяюань (пров. Ганьсу) и более «китаизированный» Чжайтоухэ (пров. Шэньси). Первый, судя по артефактам, был связан с царством Цинь, а второй – с Вэй (на это указывает, в т.ч. находка монеты). Очевидно, что уже к середине I тыс. до н.э. складывается обычай «посылать подарки» вассальным «инородцам» на границах [У Сяюнь, 2016, с. 4–12].

Параллельно с этим, китайские изделия найдены в элитных Пазырыкских курганах, которые располагались на существенном расстоянии от долины р. Хуанхэ. Особенно здесь выделяются дорогие ткани из Пятого кургана и бронзовые зеркала и лакированные изделия из Шестого кургана. Подобные находки служат убедительным свидетельством обмена между Алтаем и Центральной равниной [Руденко, 1953, с. 357].

Судить о том, насколько этот обмен был прямым, следует с осторожностью. Доимперские царства имели яркие культурные особенности, и говорить о единстве «китайской цивилизации» от бассейна Янцзы до Ляодунского полуострова в эпоху Чжаньго можно лишь в некоторых аспектах**. Царства Цинь (северо-запад) и Чу (юго-восток) нередко воспринимались как «полуварварские». Существовали княжества, элита которых имела кочевое происхождение (Чжуншань на северо-востоке). Каждое порубежное государство старалось создать вокруг себя буферную зону из вассалов и «федератов», элита которых частично перенимала культуру соседей-«хуася». В свою очередь, эти «варвары» (например, «жуны») могли вступать в контакты с носителями скифоидных культур Сибири, так что последние получали ткани и иные китайские товары через посредников.

Начиная с эпохи Восточная Чжоу, шелк служил инструментом ритуализированной системы «дарений». Присущие шелку качества (и невозможность получить

его откуда-либо кроме Центральной равнины) придавали подобным тканям особую привлекательность, в т.ч. как символу богатства, статуса и исключительности. Поэтому китайские правители, изначально в статусе царей, а затем и императоров, на протяжении веков часто дарили шелк представителям элиты «инородцев». В «Предании о сыне неба Му»*** записано, что этот государь из династии Чжоу передал во время западного путешествия в качестве даров «сто рулонов узорчатого шелка» [Ван Саньсань, 2019, с. 129].

К сожалению, в распоряжении современной науки недостаточно письменных источников по данной эпохе, например, хроник удельных царств, и, тем более, свидетельств о внешней политике «западных жунов» (даже на уровне эпиграфики). Приведенное выше свидетельство хотя и вызывает немалый интерес, изложено в довольно своеобразном произведении, записанном существенно позже времени жизни исторического героя, и содержащем мифологические сюжеты (в т.ч., визит царя к «царице запада» Сиванму). Потому реконструкция межкультурных контактов периода Восточной Чжоу в первую очередь опирается на археологические материалы. Объединение Китая, с одной стороны, и образование державы сюнну – с другой, открывают принципиально новый этап в истории региона. Это касается и характера отношений земледельцев с кочевниками, и доступного круга источников.

Обсуждение

Если во времена Чжаньго кочевники зачастую оказывались в положении вассалов или младших союзников северных царств, то сюнну оказались силой, которая на равных противостояла объединенному Китаю. Естественно, что модель взаимодействия изменилась.

Когда сюнну были едины, а династия Хань слаба, империя платила дань (纳贡). При обратной ситуации отправляемые номадам товары (в т.ч. шелк) обозначались как подарки (赠赐). Кроме политической составляющей, и дань, и подарки были способами, с помощью которых династия Хань, централизованно экспортировала шелк через соседние политические образования. Это дало мощный импульс для развития торговли ценными тканями во время становления ВШП****.

В Западном крае шелк не производился. Но он стал статусным «высоко-маржинальным» товаром.

* Наименование «жуны» вряд ли можно считать устойчивым этнонимом, т.к. оно фигурирует в разных источниках применительно к различным регионам (западу, северу) и эпохам (от чжоуских записей до текстов, относимых к эпохе Троецарствия). Поэтому, на взгляд автора, логично использовать кавычки.

** Сюда можно отнести некоторые технологии, скажем, производство шелка и ранних форм белой керамики (протофарфор), довольно массовое применение колесниц на войне [Шульга, 2023], иероглифическую письменность (с массой локальных вариантов). Общность «хуася» (华夏) была не вполне однородна, особенно когда речь идет о приграничных царствах китайской ойкумены.

*** Письменные источник из т.н. комплекса «Цзинчжунских книг», обнаруженных во времена цзиньского У-ди (правил в 265–290 гг.) в гробнице вэйского Хуай-вана (318–296 гг. до н.э.). По мнению М. Е. Кравцовой, источник относится к рубежу IV–III вв. до н.э. Главный герой, Муван жил в X в. до н.э., во времена династии Западная Чжоу.

**** Великий Шелковый путь. Его становление, кроме активных процессов объединения номадов и хуася, было обусловлено появлением в Средиземноморье крупных эллинистических царств и Рима, ставших другим «полюсом» ВШП.

В «Исторических записках» (раздел «Описание Даюань*») говорится, что к западу от Даюань до самой Парфии нет ни шелка, ни лака. В «Ханьшу» (раздел «Сообщения о Западном крае») говорится: «В Цюйли** и соседних княжествах мало шил и ножей, и они ценят золото и шелк». В более позднем источнике «Расширенное собрание, светоч истины распространяющих»*** говорится: «Когда [варвары] ху видят шелк, они не верят, что ткань сделана насекомыми, поедающими растения и прядущими нить». Это свидетельствует о том, что и в раннее Средневековье в Западном крае не производили шелк, который для жителей Центральной Азии был овеян ореолом загадочности и тайн. Как мы указывали выше, распространение шелковых тканей через сопредельные «варварские народы» практиковалось и в эпохи, предшествовавшие сюнну. Но ко II в. н.э. изменился масштаб. Появилось крупное государственное образование, элита которого стремилась к роскоши. Шаньюи долгое время были в состоянии навязывать Поднебесной соглашения силой, в т.ч. заставляли выплачивать дань и открывать пункты для торговли в приграничье [Ли Хайцюнь, 2017].

Стоит учитывать, что, помимо собственно торгового обмена, существовали объемы шелка, которые империя Хань передавала в качестве дани и подарков сюнну. Они были столь велики, что вряд ли полностью распределялась в державе шаньюя. Это означает, что часть тканей могла быть впоследствии переправлена дальше на запад, все дальше от собственно китайской территории. Приведенные выше источники показывают, что спрос там был весьма высокий. Ряд китайских исследователей (среди них Су Бэйхай, Линь Гань и Ван Саньсань) считают, что драгоценные ткани шли вплоть до Мавераннахра [Ван Саньсань, 2019, с. 131]. Участвовали в торговле не только собственно сюнну, но и другие группы населения Западного края. Если это так, то выполненные в эллинистическом стиле артефакты, найденные в Ноин-Уле, могли быть получены в рамках такой торговли шелком. Благо, после завоеваний Александра Македонского очаги греческой культуры распола-

гались не так далеко от китайской ойкумены [Шульга П. И., Шульга Д. П., 2024].

Даже после того, как сюнну стали терять влияние из-за неудачных войн с У-ди и внутренних противоречий, Китай продолжал поддерживать лояльных шаньюев (теперь речь шла уже не о «дани», а о «подарках») [Цзян Лу, 2015]. В 49 г. до н.э. ханьское правительство подарило шаньюю Хуханью 8 000 рулонов шелковых тканей и 9 000 цзиней ваты. В 33 г. до н.э. это число увеличилось до 16 000 рулонов и 18 000 цзиней соответственно. В 25 г. до н.э. тенденция к росту «дарений» продолжилась, Фучжулэй-шаньюй получил 20 000 рулонов и 20 000 цзиней. В 1 г. до н.э. «шелковые пожалования» очередному правителю сюнну, Учжулю Жоди, достигли поразительных объемов: 30 000 рулонов ткани, и 30 000 цзиней ваты. Также китайский император передавал 370 комплектов шелковой «одежды без подкладки» (单衣) [Ван Саньсань, 2019, с. 130]. Естественно, нарративные источники, подобные «Ханьшу» описывают лишь часть подобных «даров». Поэтому неудивительно, что археологи обнаружили заметное количество шелковых тканей в элитных гробницах сюнну (среди наиболее ярких примеров – Ноин-Ула).

Заключение

Очевидно, что модель взаимодействия «хуася» с кочевниками развивалась постепенно. Начало этого процесса – сравнительно небольшие объединения «жунов», вассальных удельным царствам Чжаньго. Кульминация – коммуникация империй Центральной равнины с крупными державами кочевников. Механизм «пожалований» был сформирован еще в раннем железном веке. Разумеется, по мере увеличения могущества «участвующих сторон» объемы резко возрастали, так что зависимые от Хань шаньюи получали дары несопоставимо большие [Цзян Лу, 2011], чем «западные жуны», покоящиеся в Чжайтоухэ, от государей удела Вэй. Впрочем, сам принцип фактической перепродажи шелка, уходящего через посредников все дальше от Поднебесной, очевидно, сохранялся. Так в ранний период ткани достигают Горного Алтая, а в более поздний – Передней Азии и, затем, Восточного Средиземноморья. Таким образом, и шелк, и предметы эллинистического искусства в Ноин-Уле не выглядят случайным стечением обстоятельств. Вероятно, перед нами закономерный результат того, как сюнну распоряжались «излишками» ценных тканей, получаемых от своих южных соседей.

Финансирование

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 24-48-03017 «Междисциплинарное исследование коллекции текстиля из Ноин-улинских курганов 20, 22, 31 (раскопки российско-монгольской экспедиции 2006–2012 гг., Монголия)».

* Также в русскоязычной литературе используется вариант передачи «Давань» (大宛) – Паркан, древнее среднеазиатское государство в центральной и восточной частях Ферганской долины.

** Княжество, располагавшееся на землях южнее совр. г. Корла в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В источниках имело несколько вариантов иероглифического написания (渠犁, 渠黎, 渠梨).

*** «Гуан хунмин цзи» (иероглифическая запись 广弘明集), автор – буддийский монах эпохи Тан по имени Дао-Сюань (道宣). Труд является продолжением «Сочинений, светоч истины распространяющих» (弘明集) монаха Сэнью (445–518 гг., иероглифическая запись – 僧佑) из царства Лян (南朝梁), но имеет несколько иной формат. В основном в нем собраны труды предшественников, а его цель состоит в популяризации буддизма.

Ван Саньсань. Сычоу маои: циюань юй тэ чжэн (Торговля шелком: происхождение и особенности) // Сюэшу яньцзю [Академические изыскания]. – 2019. – № 6. – С. 127–137 (на кит. яз.).

Ли Хайцюнь. Лянхань шици сюнну дуй си юй дэ цзин ин хэ тун чжи [Правление хунну в западных регионах во времена династии Хань] // Guangxi Social Sciences. – 2017. – № 12. – С. 118–122 (на кит. яз.).

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

У Сяюнь. Шаньдянь шандэ сюнлу, мэнху юй е шань ян: Мацзяюань мачэ цаюань чжуанши дэ лайюань юй чуаньбо туцзин [Олени, тигры и дикие козы на вершинах гор: следы степных декоративных традиций на колесницах Мацзяюань] // Palace Museum Academic Quarterly. – 2016. – Т. 34, № 1. – С. 1–50 (на кит. яз.).

Цзян Лу. Бэйфан дицзюй хань му гэцзюй яньбянь юй ханьдай бяньцзян чжэнцэ дэ гуаньси [Связь между эволюцией ханьской захоронений в северном регионе и пограничной политикой династии Хань] // Археология хуася [Хуася каогу]. – 2015. – № 3. – С. 84–87 (на кит. яз.).

Цзян Лу. Бэйфан дицзюй «нань сюнну» муцзан цзай таньтао (Новые исследования погребений «южных сюнну» в Северном Китае) // Бяньцзян каогу яньцзю [Археологические исследования приграничья]. – 2011. – № 1. – С. 244–253 (на кит. яз.).

Шульга П. И. Колесничество и верховая езда у скифоидного населения Северного Китая (культура янлан) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2023. – № 15. – С. 635–651.

Шульга П. И., Шульга Д. П. «Эллины» или «скифы»: проблема инокультурных влияний в Северном Китае во второй половине I тыс. до н.э. // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 204–223.

Jiang Lu. Beifang diqu «nan xiongnu» muzang zai tantao [Further Study on the «Southern Xiongnu» Tombs in the Northern Region]. *Binjiang Kaogu Yanjiu [Research of China's Frontier Archaeology]*, 2011. No. 1. P. 244–253. (In Chin.).

Jiang Lu. Beifang diqu han mu geju yanbian yu handai bianjiang zhengce de guanxi [The relationship between the evolution of the Han tomb pattern in the northern region and the Han Dynasty frontier policy]. *Huaxia Kaogu [Huaxia Archaeology]*. 2017. No. 3. P. 84–87. (In Chin.).

Li Haicun. Lianghan shiqi xiongnu dui xiyu de jing ying he tong zhi (Pravlenie hunnu v zapadnyh regionah vo vremena dinastii Han') [Xiongnu rule in the Western Regions during the Han Dynasty]. *Guangxi Shehui Yanjiu [Guangxi Social Sciences]*. 2017. No. 12. P. 118–122. (In Chin.).

Rudenko S. I. Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoye vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ. 1953. 402 p. (In Russ.).

Shulga P. I. Kolesnichestvo i verkhovaya yezda u skifoidnogo naseleniya Severnogo Kitaya (kultura yanglan). In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomorya*, 2023. No. 15. P. 635–651. (In Russ.).

Shulga P. I., Shulga D. P. “Elliny” ili “skify”: problema inokulturnykh vliyaniy v Severnom Kitaye vo vtor. pol. I tys. do n.e. *Scholē. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya*, 2024. Vol. 18, No. 1. P. 204–223. (In Russ.).

Wang Sansan. Sichou maoyi: qi yuan yu te zheng [Silk trade: origins and characteristics]. *Academic Research*, 2019. No. 6. P. 127–137. (In Chin.).

Wu Xiaoyun. Shandiande xiongnu, menghu yu ye shanyang: Majiayuan mache caoyuan zhuangshi de lai yuan yu chuanbo tujing [Deer, tigers and wild goats on the mountain tops: the origin and transmission of steppe decorative traditions on Majiayuan chariots]. In *Palace Museum Academic Quarterly*, 2016. Vol. 34, No. 1. P. 1–50. (In Chin.).

Шульга Д. П. <https://orcid.org/0000-0001-8022-2954>

Дата сдачи рукописи: 28.05.2026 г.